

Вещи для открытого неба

В Манеже открыта выставка Александра Бурганова

Вероятно, историки назовут XX столетие не только веком расползшегося атома и покоренного космоса, но и веком скульптуры. Не этот ли вид искусства наиболее осязаемо выразил все произошедшее с человеком в пору, когда бушевали мировые и гражданские войны, залечивались оставленные ими раны, подвергались сомнению устоявшиеся ценности? А люди вновь и вновь с маниакальным упорством собирали из осколков распавшийся мир. Разве не скульптура оказалась тем общим ужом, где отразились хаос и всеобщий ужас на сломе эпох, равно как перемены и сдвиги в эстетическом мышлении? Недаром титаны авангарда начинали строить новую вселенную с протоструктур: нить тянется от "контррельефов" Татлина к "идолам" Пикассо, Модильяни и Липшица, а между ними – внезапное обращение к объемной пластике живописца Малевича, завершившего свою супрематическую революцию объемно-пластическими "архитектурами". И всегда рядом с ниспровергателями, неотступно отстаивая свою линию, – приверженцы классической ясности. Неустанный поиск красоты и гармонии как последнего пристанища духа, блуждающего в экзистенциальной тьме... Множественные импульсы из России нашли продолжение в мировых истории XX века, но в Родине почти забыты. В итоге сегодня у нас скульптура – далеко не самое востребованное из искусств, а монументальная пластика в сознании сопряжена более всего сопричастия с каменными и бронзовыми истуканами, загромождавшими площади со времен ленинско-сталинской "монументальной пропаганды". Памятники, более всего исполняемые в силу иллюзорности и весомости, зачастую по своей пластической сути – ноль, никак не взаимодействуют с пространством, не вписываются в ткань города...

Сия пространная прелесть имеет прямое отношение к конкретному событию в московской художественной жизни – выставке Александра Бурганова в Манеже. Как никогда злободневно звучит избранная им тема "Скульптура и город". Выразительной, пластически значимой и яркой в пространственном решении, превратившем Манеж в подобие средневекового собора, получилась авторская экспозиция. Один из крупнейших отечественных скульпторов, действительный член Российской академии художеств, доктор искусствоведения и удивительным образом соединив в себе две ипостаси: ориентированный на классическое наследие романтик, или, по его же определению, "маленький реалист" отнюдь не является законченным традиционалистом, склонным работать в формах прошлого. Напротив, он дерзко играет с этими формами, переосмысливает идеалы, ломает стереотипы, нарушая привычный ход вещей, разбивая единое на фрагменты и в одном ему известном порядке складывая мир заново из своих "кубиков". В их числе – античная колонна, торс и барочная драпировка, развеваемая ветром, жесткая решетка и принявшая очертания башни клетка, кисть руки и женская ножка (как тут не вспомнить Пушкина!), крыло птицы и голова лошади...

Захватывающая воображение экспозиция, сочиненная Бургановым специально для гигантского зала Манежа, демонстрирует сложный процесс, как из "фирменных" знаков-первозаказов, собранных всякий раз по повелению, рождается целая вселенная. Назвать ее реалистической невозможно – скорее, этот "фантастический реализм" навеивает воспоминания о сюрреализме; сам автор легко соглашается на эпитет "постмодернизм". И все же бургановская пластика, по-настоящему, во всей глубине и многозначности открытая лишь интеллектуалу, не замыкается надменно в "башне из слоновой кости", напротив, адресована зрителям разным, включая неискушенных. И в ней можно без труда обнаружить приметы действующей, беречь душу отзвуки истории, многим близкие помыслы о возвышенном и вечном, без скидки на цивилизацию "нашего времени", апелляцию к человеческому в человеке. Иными словами, весь традиционный набор гуманистических ценностей, однако преподнесенный в таких формах, что волнуют наперекор привычному "повторению пройденного" и неизбежно затеивают нас в особый мир скульптора – его "пластический театр". Мы можем сопереживать миг рождения из небытия и наблюдать все трансформации этой вселенной...

Правда, выставка Александра Бурганова разочарует поборников академических показов творчества от "А" до "Я", строго по хронологии: это никак не ретроспекция, столь естественная в юбилейный год. Недавно народный художник России, лауреат Госпремии СССР отметил 70-летие и с полным правом мог бы предъявить нам "большой джентльменский набор", как зрелый его коллега: ранний период и зрелый, эскизы и законченные композиции, шедевры из музеев... Тем более что можно присовокупить еще один юбилей: ровно 30 лет назад А. Бурганов ворвался в чопорное советское искусство первой своей монументальной композицией "Кавовка". Однако ее здесь не найдешь, как нет в экспозиции барельефов для станции метро "Третьяковская", а равно произведений, хранящихся в собрании Третьяковки, в Музее современного искусства "Людвиг Форум" (Ахен, Германия), в Королевском музее Брюсселя и еще во множестве мест: упомянем ГМИИ имени А.С. Пушкина, собрание Современной скульптуры города Авангардов (Югославия), собрание Дворца наций ООН (Женева), а также частные коллекции России, Франции, США, Германии, Бельгии.

Впрочем, немало прежних работ в Манеже присутствует – но не те варианты, что давно, снабженные инвентарными номерами, стоят в музейных экспозициях и запасаниках, а их сегодняшние реплики. Саму работу над выставкой юбилар, не желающий почивать на лаврах, превратил в

Слева: экспонат выставки. Справа: А. Бурганов

акт творчества. Дорогого стоит одна только перестройка – увы, лишь на недолгую неделю, пока длится выставка! – мертвого, холодно-стерильного пространства прежде легендарного выставочного зала, казалось бы, утратившего в недавнем пожаре свой "гений места"... Приручить непокорный зал, заставить работать на образ, где каждый элемент звучит в унисон с остальными, – задача непростейшая. Бурганов блестяще с ней справился, и его скульптура неожиданно выявила, помимо чисто пластических достоинств, качество из другой сферы – музыкальность. Одиноко стоящие фигуры зазвучали, словно трубы органа: хорал – вот ключевое слово для выставки, где вкратце объясняют студентам, что такое высокий класс в работе с пространством, столь необходимым скульптуре...

Манеж довелось побывать в зале Бурганова в канун вернисажа и ощутить сопричастность к творческому процессу, шедшему беспрерывно. А заодно понаблюдать за Бургановым, который взвалил на себя роль архитектора и дизайнера экспозиции: нервничали и падали от усталости помощники, рабочие, охранники – но сам Александр Николаевич выказывал завидную энергию, спокойствие и... неистощимую фантазию, руководя расстановкой скульптуры, развеской картин, а заодно предлагая оптимальные варианты другим участникам выставки. К слову, не ставшей обычной "персоналкой", а вобравшей в себя всю семью мастеров (с искусством связано в ней несколько поколений – Мария Бурганова и Анатолий Смоленков, Игорь Бурганов и Юлия Смоленкова). Плюс обширный круг учеников: в разделе "Строгановская школа" – Георгий Франгулян, Салават Шербаков, Виктор Корнеев, Ольга Черлита, Алексей Миронов... Профессор Бурганов, когда-то и сам окончивший промышленное училище (Строгановку), – один из основателей Строгановской школы архитекторно-декоративной пластики. Уже свыше 40 лет он преподает в Строгановке, заведует кафедрой монументальной скульптуры, – многие из учеников уже сами вышли в классики. И тут пора сказать о главном, ради чего Александр Бурганов затеял столь нелегкий труд в Манеже. Это не что иное, как визуализация своего credo, зримое выражение долгих размышлений о роли пластики в современной среде, в окружающем нас пространстве. Разговор о наблевшем и призыв к прислушаться...

Поясню: за полвека работы А. Бурганов сформировал особое направление в отечественном искусстве. Выполненные им памятники и монументальные ансамбли установлены в разных городах России: назову лишь "Принцессу Турандот" у Вахтанговского театра, Пушкина с Натали на Арбате, Лермонтова на Малой Молчановке, скульптуры для Детского музыкального театра Наталии Сац, эмблему Центрального дома кино. Это все Москва, а заказы выполняли по всей России – так, в Воронеже фигура И. Бунина с охотничьей собакой, "посаженного" в сторонке от центральной площади города, где родился писатель, стала лучшим памятником за советский и постсоветский период. Пушкинскую тему скульптор разрабатывал для Вашингтона и Ижевска, для Брюсселя создал памятник императору Александру I и королю Леопольду I... В Манеже на общий замысел работают даже станковые произведения, притворяющиеся тем или иным грань творчества мастера. Заново сделаны интригующая "Занавеска", трагический звучащая "Клетка", "Узел", "Жест". Мне повезло – выпал шанс организовать эти вещи в единое целое, и в расстановке скульптур сказалась моя философия, – поясняет автор. – Они посвящены внутренней жизни человека, вечным ценностям:

рождение, страдание, любовь, с ее полетами и падениями...". Скульптор снабдил многие персонажи высокими подставками, образующими лес колонн: девушка вознеслась в кресле, чтобы "услышать музыку сфер", в целом же в основе "парящих" скульптур – органика, тема растущего дерева. А свободно разбросанные копии монументов, увеличенные, "чтобы удерживать зал", в ином цвете и размере обрели новое звучание. На чете Пушкиных и Елену Гнесину смотрит Марк Шагал, поодаль – "Море" в виде женской фигуры, а над двумя ядами скульптур, образующих подобие нефос, царит "Большой Ангел". В двух шеренгах – программные работы, входившие составной частью в те или иные композиции, но способные существовать и самостоятельно. Таковы элементы группы "Расстрел", показанной на эталонной для Бурганова выставке 1987 года в ЦДХ, а сюда пришелся как бы по отдельности: "Власть", "Беременная", "Стрекоза", "Вестница". Здесь же знаменитая "Война и мир": дерзущие кони, бэли среди первых советских скульптур, оцененных Западом и поставленных в общий ряд современной мировой пластики. Бронзовая "Рука" (мимика?) – двойник той, что впервые Бурганов выставил в Третьяковке десять лет назад в составе композиции "Икар" образует центр второй, малой анфилады и сопоставлена с фигурой алеки-горбуна, олицетворяющего "людей божьих". Все не так-то просто для прочтения, все там в себе широкий спектр значений! Так реализован замысел "говорить со всеми"... В пластическом театре Бурганова, проникнутые единым духом, скульптуры разыгрывают некую мистерию, где можно найти массу смыслов – и каждый отыщет нечто свое. Как он сам нашел собственный, нетрадиционный вариант интерпретации старого христианского сюжета "Благовещение". Только в Манеже удалось показать целиком гигантскую инсталляцию "Большая рыба", где по горизонтали (в противовес привычной вертикали) на единую ось нанизаны все те же первоэлементы: женская рука, крыло ангела, плавник и голова рыбы, клубящаяся драпировка. Но канон нарушен – из глубины внезапно выскакивает ужасного вида пес-вазислик, образ-предостережение. В сквозной пространственный рельеф вплетены арабески – надписи, читаемые только в зеркальном отражении... Может быть, это стихи скульптора, в своей "Фантастической автобиографии" написавшего:

"Стоят неподвижно деревья и ангелы с огромными белыми крыльями. Люди не видят ангелов. Ангелы не видят людей."

Скажите, мы приходим в этот мир, чтобы быть мясом для бешеных псов?

Нам обещали встречу с Богом, но где он?"

Но А. Бурганов – поэт, философ и мастер метафоры уступает место гражданину, для которого, возможно, главное – проговорить вслух тревогу о том, что наши города и веси почти лишены пластики, способной их оживить, дать голос пространству. Скульптор взял на себя труд явить пример того, каким может быть облик квартала, микрорайона, мегаполиса. Потому столь важными мне кажутся слова, произнесенные им при встрече у входа в рождавшуюся на глазах экспозицию: "Оказалось, что скульптура сама по себе – ничто, она работает только в ансамбле!" Неслучайно многое делалось заново, будто

"с чистого листа": это городская скульптура, поясняет автор, но где она будет стоять, пока неизвестно... И это манифест: по мысли Бурганова, именно такая скульптура должна наполнять город – глубинная, метафорическая, многоплановая. Эти пластические символы обращены к человеку и доступны для диалога. Однако важно не оскорбить чувств смотрящего, не нарушить гармонию, не путаться в морализаторстве – иначе скатиться в кич и салон...

Да, он легко мог бы заполнить Манеж от потолка, буквально настигнув его отрежками рубашками. Но избрал путь жесткого самоограничения, не желая выходить за рамки темы "Скульптура и город". Вдохновленный успехом в Брюсселе, где недавно устроил персональную выставку в престижном месте – на Юре искусств (Мон-дез-Ар), Бурганов продолжает "делать вещи для открытого неба". И внутри замкнутого пространства Манежа, под прославленным потолком Бетанкура вдруг ощущаешь себя... на городской улице. Кажется, крыша вот-вот распахнется. И свет, преломляясь с неба на импровизированные бульвары и площади, выстроены внутри здания. Создавая свою архитектуру в архитектуре – распахнувшую крылья аркаду, где скульптура дополняет графика (еще одна ипостась творчества наряду с литературными эссе и стихами; рисунки увеличены соразмерно аркам), он думал о том, как передать символику своего мироздания. Поднимая статуи на высокие подиумы и столбы, мыслит эти фигуры как мифологемы, обозначающие восхождение человека по пути земному – выше, к небесам. Еще ему дороги реминисценции старейшей культуры, связь с наследием "игра культуры в культуру – наша основа", говорит Бурганов, любящий и "поиграть структурами". "Ничего не отрицать, а собирать то, что было, и переосмысливать" – позиция мастера, не тающего мечты об идеальном городе будущего.

Мое внимание привлекла трудная для дешифровки композиция: руки, застывшие в разных жестах, размещены в клеточках рамы-решетки. Автор пояснил: это "Азбука глухонемых", и написано здесь на их языке – "Дом Бурганова". Не последнюю роль играет в экспозиции любимое детище скульптора: Музей классического и современного искусства создан на базе его мастерской. Что нетипично для традиционных музеев, бургановская пластика – и пластика вообще, коль скоро она находится в этих стенах, – открыта не только зрячим, но и тем, кто лишен счастья видеть. Как-то сюда зашли слепые, но и они смогли "рассмотреть" скульптуру – тактильно, ибо в этом музее все можно трогать руками.

В арбатском переулке стоят на невысоких фигурных колоннах "Людилегенды": Бунин, Бродский, Нуреев и Тарковский. К изгнанникам, вернувшимся на Родину, можно присовокупить не имеющую, на первый взгляд, прямых исторических аналогий композицию "Птица в клетке", созданную в 1974 году – в год высылки Солженицына. В небольшом дворе, откуда каждому доступен вход в мастерскую, под открытым небом – композиция разных лет. В "Доме Бурганова" воплотилась идея романтического камерного музея, где можно бродить в одиночестве, ведя диалог с искусством или приобщаясь к секретам его создания.

Елена ТИТАРЕНКО
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ